

Ан. А. Громыко³

ГАРРИ ТРУМЭН — ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ВМЕСТО ДИАЛОГА

После кончины 12 апреля 1945 года Президента США Ф. Рузвельта его пост занял вице-президент

США Г. Трумэн. Его отношение к Советскому Союзу и основам послевоенного мироустройства сильно отличалось от рузвельтовского. Трумэн не верил в международное партнерство «Большой тройки» — СССР, США и Великобритании. Он не считал, что национальные интересы США требуют сотрудничества между Москвой и Вашингтоном в качестве стратегических союзников и даже партнеров. Это проявилось уже в самом конце Второй мировой войны во время встреч Трумэна с В. М. Молотовым и в переписке с И. В. Сталиным.

Первая встреча Трумэна и Молотова состоялась 22 апреля 1945 года и носила вежливый характер. Молотов спросил Трумэна, намерен ли тот следовать решениям, принятым в Ялте и Думбартон-Оксе. Президент США ответил положительно. Молотов далее сказал, что советское правительство будет радо видеть Трумэна в Москве, и чем скорее, тем лучше. Встреча маршала Сталина с президентом имела бы большое

³ Профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук. Автор более 30 книг, в т. ч.: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы», «Организация Объединенных Наций: история и современность» и других, а также более 300 статей, рецензий в научных изданиях, в российской и зарубежной периодической печати. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Член Академии наук Королевства Марокко, Малагасийской академии наук, член Европейской академии наук и искусств, почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, премии им. В. В. Воровского.

значение. Установление личных отношений между руководителями правительств всегда важно¹.

Эта информация подтверждается обменом мнениями между Сталиным и Трумэном еще на Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.). Трумэн во время первой встречи со Сталиным сказал, что «...хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина существовали с Рузвельтом. Он, Трумэн, уверен в необходимости этого, так как считает, что судьба мира находится в руках трех держав. Он, Трумэн, хочет быть другом генералиссимуса Сталина. Он, Трумэн, не дипломат и любит говорить прямо... Сталин отвечает, что со стороны советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США»².

Одним из факторов, скреплявших взаимодействие СССР и США на международной арене, была верность Сталина данному Рузвельту в Ялте обещанию вступить в войну с Японией. Когда в ходе беседы Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза», Сталин ответил, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа» и что он «сдержит свое слово»³.

19 марта 1946 года Трумэн в послании Сталину пишет: «Когда я расстался с Вами в Потсдаме, я выразил надежду, что Вы сочтете возможным посетить Соединенные Штаты и быть моим гостем. Вы ответили, что хотели бы это сделать. Почему бы Вам и не предпринять эту поездку сейчас? Я, конечно, был бы рад, если бы Вы это сделали». 6 апреля 1946 года Сталин направляет ответ: «Благодарю Вас за переданное мне Ваше приглашение посетить Соединенные Штаты. К сожалению, врачи возражают против моих больших переездов, и я вынужден считаться с этим». 12 апреля Трумэн вновь обращается к Сталину: «Разрешите мне выразить Вам мое личное сожаление по поводу того, что состояние Вашего здоровья не позволяет Вам в настоящее время предпринимать длительные поездки».

7 ноября 1946 года в Вашингтоне Молотов посетил Трумэна с визитом вежливости, и последний вновь просил передать в Москву, что хотел бы видеть Сталина гостем в США. Молотов ответил, что это «наше общее желание»⁴.

На этом история попыток организовать встречу Трумэна со Сталиным не заканчивается. В январе 1949 года на вопрос директора американского агентства «Интернэшнл ньюс сервис» Кингсбэри Смита Сталин дал публичный ответ. «Будете ли Вы, Ваше превосходительство, готовы, — спросил Смит, — встретиться с президентом Трумэном в каком-либо обоюдном приемлемом месте для обсуждения возможностей заключения такого Пакта мира?». Сталин дал ответ: «Я и раньше заявлял, что против встречи нет возражений»⁵.

¹ Робертс Дж. Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь холодной войны. М.: АСТ, 2014.

² Запись беседы И. В. Сталина с президентом Г. Трумэном в резиденции Трумэна 17 июля 1945 г. в 12 ч (записал В. Павлов) // РГАСПИ. Ф. 558 (И. В. Сталин). Оп. 11.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 236. Л. 1–3.

⁴ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 256. Д. 18. Л. 11–13.

⁵ Правда. 1949. 31 янв.

1 февраля 1949 года Смит сообщил Сталину: «Официальный представитель Белого дома Чарльз Росс сегодня заявил, что президент Трумэн был бы рад иметь возможность совещаться с Вами в Вашингтоне. Будете ли Вы, Ваше превосходительство, готовы поехать в Вашингтон для этой цели? Если нет, то где бы Вы были готовы встретиться с президентом?». 2 февраля 1949 года Сталин дал ответ, который на следующий день был опубликован в печати: «Я благодарен президенту Трумэну за приглашение в Вашингтон. Приезд в Вашингтон является давнишним моим желанием, о чем я в свое время говорил президенту Рузвельту в Ялте и президенту Трумэну в Потсдаме. К сожалению, в настоящее время я лишен возможности осуществить это свое желание, так как врачи решительно возражают против моей сколько-нибудь длительной поездки, особенно по морю или по воздуху».

Правительство Советского Союза приветствовало бы приезд президента в СССР. Можно было бы организовать совещание в Москве или в Ленинграде, в Одессе или в Ялте, — по выбору президента, если, конечно, это не противоречит соображениям удобства президента.

Если, однако, это предложение встретит возражение, можно было бы устроить встречу в Польше или Чехословакии — по усмотрению президента»⁶.

Вышеприведенная информация говорит о том, что Сталин и Трумэн не горели желанием встретиться там, где каждый из них предлагал. На это было много причин. Основной, на мой взгляд, было нежелание Сталина проводить встречу в верхах в условиях монополии США на ядерное оружие. Трумэн же не хотел ехать в Советский Союз и на территорию, подвластную Москве. Оба лидера опасались, что на встрече между ними встанут неудобные вопросы, возникнет желание добиться неприемлемых преимуществ. Холодная война уже шла полным ходом. В Потсдаме, например, В. М. Молотов не без оснований сказал, когда речь зашла об американской атомной бомбе: «Трудно за него (Трумэна. — А. Г.) сказать, что он думал, но мне казалось, он хотел нас ошарашить... не было сказано “атомная бомба”, но мы сразу догадались, о чем идет речь»⁷.

С «сюрпризами» подобного рода Сталину сталкиваться не хотелось. И все-таки, если бы Трумэн согласился на встречу в верхах в Восточной Европе, то она бы скорее всего состоялась. А так оба лидера упустили возможность хотя бы попытаться остановить холодную войну.

Особо важной стала состоявшаяся 23 апреля 1945 года встреча Трумэна с В. М. Молотовым, прибывшим в США для участия в работе по утверждению Устава ООН. Она проходила всего через 11 дней после кончины Рузвельта и за 16 дней до 9 мая, Дня Победы над Германией. Советско-американские отношения должны были находиться на подъеме сотрудничества.

Утром 23 апреля, перед встречей с Молотовым, Трумэн вызвал в Белый дом для консультаций ведущих

⁶ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 256. Д. 18. Л. 11–13. Эта информация длительное время хранилась в личном архиве А. Н. Яковлева.

⁷ Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 81.

членов правительства и экспертов по Советскому Союзу. Военный министр США Генри Стимсон дал совет провести встречу с советским министром иностранных дел «в мягкой манере», так как США заинтересованы, чтобы Москва вступила в войну с Японией. С ним согласился генерал Джордж Маршалл, который считал, что до победы над Японией оказывать на Советы давление нецелесообразно. С этим мнением не согласился министр военно-морских сил Джеймс Форрестол, который заявил, что Москва нарушает договоренности о Польше и нацелилась на захват Болгарии и Румынии. Наиболее жестким было мнение Аверелла Гарримана, который посоветовал Трумэну занять твердую позицию, ясно обозначить, что США осуждают действия Сталина в Восточной Европе, даже если это помешает вовлечению СССР в войну против Японии. Реакция Трумэна на эти советы была однозначной — он займет жесткую линию.

Встреча Молотова с Трумэном, на которой присутствовал посол СССР в США Андрей Громыко, прошла в конфронтационной манере. Трумэн, по существу, демонстрировал безразличие к предложениям советского министра, несколько раз его прерывал и в итоге заявил, что если Сталин не будет уважать ялтинские договоренности, то это «сильно подорвет уверенность в единстве трех правительств»¹.

Молотов воспринял эту позицию Трумэна с неприязнью: «В такой манере за всю мою жизнь никто со мной не разговаривал». Трумэн резко встал из-за стола, и на этом беседа закончилась².

Заслуживает внимания следующая оценка этой встречи Молотова с Трумэном. «Жесткие слова и нетерпеливое поведение (Трумэна. — *А. Г.*) означали гораздо больше, чем просто конец встречи. Это был сигнал, что во взаимоотношениях между Соединенными Штатами и их западными союзниками с Советским Союзом начиналась новая эра». «Русские, — признает Аксельрод, — эти “вежливые товарищи” по Второй мировой войне, изображались кучкой лжецов, и добрые чувства, порожденные борьбой против общей угрозы, растворились во взаимных подозрениях, перераставших в явную вражду»³.

Такой отрицательный результат встречи в Белом доме стал сюрпризом даже для Гарримана, сторонника жесткой линии в отношении Москвы. Явное беспокойство испытывал и Стимсон, призывавший Трумэна к сдержанности. Он тут же написал президенту записку следующего содержания: «Считаю необходимым как можно скорее встретиться с Вами по в высшей мере секретному вопросу». Трумэн принял Стимсона через два дня в сопровождении руководителя глубоко засекреченного Манхэттенского проекта. Стимсон вручил Трумэну письмо, в котором сообщил, что «через четыре месяца мы, возможно, закончим работу по созданию самого ужасного в истории человечества оружия — бомбы, которая может уничтожить целый город»⁴. Аксельрод считает, что бывший вице-

президент «впервые узнал об атомной бомбе». Можно представить, как эта информация повлияла на Трумэна, укрепив у него желание вести переговоры с Советским Союзом с позиции силы.

В недрах Вашингтонской администрации после успешного испытания атомного оружия началась работа по разрушению, как считали многие, «неестественного союза» западных демократий с тоталитарным Советским Союзом. После атомной бомбардировки против японских городов Хиросимы и Нагасаки политика с позиции силы получила в политических кругах США еще большую поддержку. Уже в апреле 1945 года Трумэн, воодушевившись «новым соотношением» военных сил, требуя от Москвы соблюдения ранее достигнутых договоренностей, сам задумал от ряда из них отойти и дал указание Госсекретарю США Стеттиниусу попробовать отказаться от принципа единогласия великих держав. Над планами создания ООН нависла угроза провала.

Две речи — Молотова в Сан-Франциско и Черчилля в Фултоне

Доктрина Трумэна

По-другому было настроено советское руководство. В своей речи 26 апреля 1945 года на открытии Конференции ООН в Сан-Франциско Молотов сказал: «Если ведущие демократические страны покажут свою способность согласованно действовать и в послевоенное время, это будет значить, что интересы мира и безопасности народов нашли наконец свою лучшую опору и защиту. Но этого еще недостаточно. Готовы ли другие миролюбивые страны объединиться вокруг этих ведущих держав, чтобы создать дееспособную международную организацию безопасности — вот тот вопрос, который должен быть разрешен на настоящей конференции»⁵. Эти слова означали, что СССР был готов к широкому международному сотрудничеству, в том числе с США и Великобританией, а не к конфронтации в духе холодной войны.

Главным пропагандистским шоу, рекламировавшим борьбу с СССР, была, конечно, речь Черчилля в Фултоне. И хотя потомственный английский тори после поражения на всеобщих выборах в Англии уже не являлся премьер-министром, теплые слова в свой адрес и лик сидевшего рядом с ним Трумэна компенсировали недееспособность отвергнутого англичанами политика. Воодушевившись тем, что атомные бомбы находятся в американских руках, Черчилль возложил на США «ответственность перед будущим». Он призвал защитить Европу и христианскую цивилизацию от распространения советского влияния. ООН, как утверждал Черчилль, обретет «статус и силу» только при поддержке США и Британского Содружества⁶. Это было объявлением Советскому Союзу «крестового похода».

¹ *Axelrod A. The Real History of the Cold War. A New Look at the Past. N. Y. ; L. : Sterling, 2009. P. 46–47.*

² *Ibid. P. 47.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. / под ред. А. А. Громыко. М. : Изд-во полит. лит., 1980. Т. 5 : Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 124.

⁶ Winston Churchill “The Sinews of Peace”. A speech by Winston Churchill at Westminster College. March 5, 1946 // *Britania Historical Documents. P. 1–5.*

Проживая в США, я был свидетелем тому, как с 1946 года в американских средствах массовой информации образ СССР из страны-союзника превратился во врага. Особенно заметно это проявилось в отношении Сталина.

Дядюшка Джо (прозвище от имени Иосиф) стал преподноситься публике как «мастер обмана»; он, оказываясь, обещал «много хорошего», но на деле нес американцам «смерть». Появилось много рекламы, объявлений и фотоматериалов, в которых лик Сталина соседствовал со страшным черепом и броско выполненными обвинениями. Вот лишь один пример: «Смотрите, что за маской! Коммунизм — это смерть»¹. Такие враждебные выпады в адрес СССР приобрели массовый характер. На Америку накатывалось мракобесие маккартизма.

Что касается термина «холодная война», то в США считают, что его автором был известный финансист и влиятельный советник Трумэна Бернанд Барух. Выступая 16 апреля 1947 года в штате Южная Каролина, он призывал не дать себя обмануть, так как «...сегодня мы находимся в состоянии холодной войны». Эта фраза Баруха закрепилась в американском политическом лексиконе. Особенно после того, как термин «холодная война» использовал известный американский журналист Уолтер Липпман для заголовка своей статьи — «Холодная война»².

Следующим шагом в развязывании холодной войны стала доктрина Трумэна, провозглашенная 12 марта 1947 года. Она, как и речь Черчилля, сделалась средством борьбы с национально-освободительными силами в Греции и на Ближнем Востоке. Снимки обезглав-

ленных голов греческих партизан появились в американских журналах. Я их видел собственными глазами и был поражен жестокостью монархистов и нацистов, которые тогда действовали при поддержке английских военных. Сталин не принял этот вызов, так как еще помнил о своего рода взаимопонимании с Черчиллем, достигнутом при обсуждении послевоенного будущего отдельных европейских стран. Англичанин, однако, о нем позабыл и горел желанием осадить Москву в ее политике утверждения своего влияния в Восточной Европе и Средиземноморском регионе.

На политическом горизонте к тому же возникла угроза развала английской колониальной империи. Мысли высокопоставленных авторов холодной войны невольно обращались к испытанному методу утверждения своего влияния в мире — политике с позиции силы. Надо было показать всем, кто мыслил категориями мира, — как, например, лейбористский министр иностранных дел Э. Бивен, который после подписания мирных договоров с бывшими союзниками Германии заметил: «Солнце мира наконец-то восходит», — что все не так просто³. И действительно, окутанный тучами холодной войны пейзаж становился все более мрачным.

Победа союзников во Второй мировой войне привела к установлению нового мирового порядка и появлению в 1945 году Организации Объединенных Наций, Устав которой был выработан советской, американской и английской дипломатиями. Ни о какой холодной войне сразу после окончания Второй мировой открыто никто не говорил, но в Лондоне, да и в Вашингтоне тайком к ней готовились.

¹ Такого рода «реклама» приведена в работе: *Axelrod A. Op. cit.* P. 88.

² *Ibid.* P. 89.

³ *Урнов А. Ю.* Внешняя политика СССР в годы холодной войны и «нового мышления». М.: РФК-Имидж Лаб, 2014. С. 36.